

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В ДЕРЕВЯННОЙ ПЛАСТИКЕ КОМИ-ПЕРМЯКОВ

Скульптурное изображение человека в Приуралье восходит к глубокой древности. Первые деревянные антропоморфные изображения на Урале известны среди находок Шигирского и Горбуновского торфяников. Это так называемые деревянные идолы. Миниатюрная фигурка «идола-птица» обнаружена также близ Синдорского озера в Коми АССР. На территории верхнего Прикамья подобные идолы пока неизвестны, по это не значит, что здесь их не было вообще.

Находимые в археологических памятниках деревянные (да и вообще всякие) изображения человека обычно почему-то считаются идолами — изображениями каких-то «языческих» божков. Очевидно, это утверждение исходит из того, что как у народов коми, так и у соседствующих с ними народов (хантов, манси, пенцев) было известно поклонение деревянным идолам, причем до нас дошли не только письменные сообщения, но и сами идолы.

Однако относить абсолютно все антропоморфные фигуры к идолам было бы, на наш взгляд, крайностью. Этнографические данные нам подсказывают, что в народе с давних времен назревает необходимость изображения подобного себе образа не только в религиозных целях, но и в целях хозяйственных и эстетических. Как охотник делал чучело птицы для приманки дичи, так и земледельец ставил себе подобное существо в поле, чтобы отгонять птиц от посевов. Возможны были также «чучела» и в борьбе против врагов. Далес, человек-кукла — наиболее излюбленная игрушка для детей, должно быть, возникла в незапамятные времена.

Куклы, и именно деревянные, среди коми-пермяков бытовали повсеместно. Их мог делать любой крестьянин, сколько-нибудь имевший навыки резьбы. Чаще всего этим «баловством» занимались крестьяне-плотники. Иногда куклами являлись обыкновенные болванки, с грубым изображением лица в верхней части. Такая болванка обматывалась тряпками и являлась игрушкой-младенцем для девочек. В других случаях к этой болванке прикреплялись резные деревянные руки и ноги, которыми можно было двигать. Более тонко вырезанные куклы нередко раскрашивались.

В Пермском музее хранится коми-пермяцкая деревянная кукла, сделанная из дерева и мха. У куклы деревянная голова, палочки вместо ног, мохонные волосы и одежда, перпендикулярная лыком. На лыке же привязан игрушечный кузов к руке. Лицо дано плоско, с длинным, прямым, сильно выступающим носом. Глаза большие, овальные, широко расставлены. Рот тонкий. Это типически условная манера изображения лица у коми-пермяков. Подобное лицо мы видим и на металлических вотивных бляшках, и на серебряной маске из Плессковского могильника, относящейся к VI—IX вв. н. э.

Из сообщений местных старожилов известно, что в деревнях прежде были такие «колдуньи», которые могли заставить деревянную куклу плясать. Оказывается, куклы приводились в движение с помощью черного шнура, который вечером, при свете лучины, был незаметен. К сожалению, до музеев куклы почему-то почти не дошли, несмотря на широкое распространение их в прошлом. Мы не можем сказать того же самого

относительно деревянных идолов. Очевидно, этот факт можно объяснить тем, что с появлением фабричных игрушек, более ярких и красных, чем самодельные, деревянные куклы пошли на растопку, что не могло случиться с идолами, которых, даже если им уже не поклонялись, то во всяком случае несколько побаивались. Вот почему в наше время мы имеем возможность не только читать описания, но и видеть деревянные изваяния идолов и христианских святых.

Тот факт, что на крайнем северо-востоке Европы существовало поклонение идолам, не вызывает никаких сомнений. По описаниям скандинавских саг, идол биармийцев¹ был сделан из дерева, имел вид сидящего истукана с чашей на коленях и ожерельем на шее². В одной из саг говорится, что идол был одет в пурпурную шелковую одежду и имел золотую корону, украшенную 12 разными изображениями³.

О большом количестве деревянных изваяний дохристианских богов у древних пермян имеются неоднократные письменные упоминания. В «Житии святого Стефана Пермского» дается довольно подробное описание внешнего облика таких изваяний. «Кумиры ваши древо суще бездушное, дела рук человеческих, уста имеют и не глаголют, уши имеют и не слышат, очи имеют и не узрят, ноздри имеют и не обоняют, рuce имеют и не осязают, нозе имеют и не пойдут, и не ходят, и не ступают ни с места, и не возгласят гортанями своими, и не нюхают ноздрями своими, ни жертв приносимых не принимают, не пьют, не едят»⁴. Как видим, здесь дается характеристика полной антропоморфной скульптуре (с лицом, руками, ногами), сделанной из дерева.

Одним из реликтов, дошедших до нас из пермяцкого язычества, наверняка, является так называемый «гайнский идол», доставленный учениками в конце 50-х годов в Гайнский школьный (ныне народный) музей. Место находки идола неизвестно. В настоящее время он является собственностью Коми-Пермяцкого краеведческого музея. Это — не изображение человека, а только его личины, вырезанное на смолистом куске соснового дерева. При создании ее мастер умело использовал свойства самого материала, два срезанных сука изображают круглые, как у филина, глаза. Они окружены кругами древесных волокон, которые изображают складки кожи вокруг глаз, а продолжаясь вверх и вниз, являются как бы морщинами старого лица. Нос довольно плоский, конец его оформлен в виде плоского треугольника. Широкий, почти до ушей, рот растянут в злойшей улыбке со звериным оскалом зубов, изображенных

¹ Многие исследователи легендарную Биармию отождествляли с древней Пермью. По наш взгляд, это была более северная страна, населенная финноязычным народом, родственными коми (Примечание автора).

² С. К. Кузнецов. К вопросу о Биармии, отгиск из Эо. кн. XV—XVI, М., 1905, стр. 16—17.

³ Там же, стр. 29.

⁴ Житие святого Стефана, епископа Пермского, СПб, 1897, стр. 28—29.

в виде треугольников. Подобную личину никак нельзя признать игрушкой или украшением. Это, несомненно, изображение какого-то злобного духа, демона, в котором воплощены и антропоморфные, и зооморфные черты. И это изображение, несомненно, перекликается с теми «шаманскими» изображениями I тысячелетия, в которых человеческому образу придавались черты животных или птиц. Надо отдать должное мастеру, сделавшему эту деревянную личину. И техника резьбы, и впечатляющий образ данного идола свидетельствуют о незаурядном мастерстве резчика, его несомненном художественном таланте. Можно себе представить, с какой силой этот идол воздействовал на верящих в него людей. Властвующий и всевидящий взгляд, направленный прямо на зрителя, химерическая злобная и торжествующая усмешка должны были парализовать всякую свободу действий, подавлять, диктовать, покорять. Впечатление, должно быть, усиливалось с помещением идола в темном месте.

Это единственный экземпляр сохранившегося злобного языческого демона коми-пермяков. Кого он представлял в действительности, в настоящее время сказать трудно. Имеются письменные сведения о женском божестве коми-зырян — Зарниань (Золотая баба), которое в некоторых источниках описывается скульптурным изображением злой старухи. Однако, достоверно отождествить вышеописанную личину с этим божеством невозможно.

Вплоть до настоящего времени среди некоторой части коми-пермяцкого населения существует поверье, что при строительстве дома возможна «порча» его со стороны мастеров-строителей. Свойство «напустить порчу» чаще всего имеет главный строитель, обыкновенно считающийся до некоторой степени колдуном. Делает он это, якобы, таким образом: вырезав деревянную куклу в виде человечка, рассекает ему голову и обмывает «рану» своей кровью, затем забинтовывает ее и прячет в специально заготовленную нишу между бревнами, так что кукла остается замурованной. Через определенный промежуток времени, в зависимости от силы заклятья, хозяевам начинают мерещиться по ночам различные звуки, шаги, беготия, со временем все более усиливаясь. Выход только один: задобрить колдуна, чтобы он указал место, где спрятана кукла, или самим найти ее и уничтожить. В противном случае произошло, якобы, оставляя дом навсегда. Такие пустующие дома превращались в «чудиччан керку» — «дом, который пугает»: в нем, якобы, жили чуды — нечистые существа, пугающие всех; население обычно обходило эти дома не только ночью, но и даже днем.

Стамки (дзулез), которые ставятся изредка еще и теперь вдоль охлупневого бревна над крышей, часто имеют стилизованные формы человеческих фигур. В сложной композиции украшений крыши ближайший к коню-охлупню стамик выглядит всадником на крылатом коне, что связывается с древними мифологическими сюжетами.

Человеческие фигурки помещались также над пластическими изображениями коней-флюгеров, которые еще в конце XIX—начале XX вв. ставились на длинных шестах, возвышавшихся над деревьями. Вероятно, и человечки-стамки, и человечки на флюгерах в древности играли магическую роль. Как они, так и гайнский идол, и таинственные куклы колдунов, возможно, представляют собой изображения древних «языческих» божеств, которые, выродившись, слились с многочисленным сонмом темных духов коми-пермяков — «чудов».

Другой струей развития антропоморфной пластики явилась церковная деревянная скульптура, в которой древние изваяния были перенесены в церкви и в часовни, приняв облик христианского Спасителя и святых. Эта церковная скульптура, расцвет которой в верхнем Прикамье относится к XVIII столетию, будучи результатом синтеза русской христианской идеологии и пермяцкого язычества, сохранила чрезвычайно много от традиционной местной пластики. Именно этим можно объяснить столь своеобразные ее и отличие от других стилей скульптуры.

Особенно поражают нас близостью к пермяцким прототипам несколько образов. Параскева Пятница из с. Ныроб — деревянная скульптура с непропорционально большой головой, с удлиненными чертами лица, в высоком головном уборе, который как бы еще больше удлиняет лицо. Глаза большие, нос тонкий и длинный, сильно выступающий, губы тонкие, сжатые. Не зря Н. Н. Серебренников отмечает: «Трактована она в духе народных поверий... Плоскостные формы придают аскетический вид этому женскому божеству»¹. Таким же предстает скульптура «Никола Можая» из с. Покчи: «Уверенно, целостно в форме скомпонована фигура Николы. Плоскостные объемы скульптуры строго продуманы..., но несколько вытянуты в высоту и в них подчеркнуты вертикальные ритмы, ...и сверхъестественное удлинение головы «Николы Можая» из с. Покчи, как бы подчеркивающее его высокую психическую мощь, известно еще у идолов дохристианского времени... В обеих скульптурах характерны также неподвижная прямая постановка фигур и плоскостность форм. Эти признаки, как и малая пластичность лица, восходит к устойчивым традициям местной скульптуры, идущим от древнейших времен»². Рассматривая эти скульптуры, невольно вспоминаешь вышеописанное лицо пермяцкой куклы, которую мы сравнили с погребальной маской VI—IX вв. и металлическими бляшками-личинами того же и более раннего времени. А если взять весь ее внешний облик: короткое туловище и ноги, большая удлиненная голова в большом островерхом головном уборе — она почти не отличается от древней деревянной статуэтки, найденной близ оз. Синдор.

¹ Н. Н. Серебренников. Перская деревянная скульптура, Пермь, 1967, стр. 15.

² Там же.

Пластический образ еще одного христианского святого вызывает подобную же ассоциацию. Это — Сидящий Спаситель, известный по многим изваяниям из различных церквей Пермской области. Этот образ весьма оригинален по сюжету, фигура Христа, чаще обнаженная, изображена в сидячем положении, с поднятой к лицу правой рукой, левая лежит на коленях, иногда в ней палка. На голове терновый венок без шипов¹. Такую статую помещали в церкви в специальную «темницу», одевали в светлые желто-золотистые парчевые одежды. Эту одежду меняли в зависимости от христианского календаря. На «страстной неделе» покрывали черным бархатом, на пасху облакали в светлые одежды из блестящей серебристой парчи. На шею вешали цепь с крестом. Перед статуей Христа зажигали неугасимую лампаду². В тех случаях, когда статуя изображала одетого Христа, это была одежда крестьянина коми-пермяка: синий шабур, перепоясанный узорчатым поясом.

Данный образ весьма напоминает вышеописанного идола биармийцев, который изображался в виде деревянной статуи в сидячем положении, облаченной в пурпурный шелковый халат, с золотой короной на голове и ожерельем на шее³.

Эти описанные статуи церковной пластики, а также многие другие, несомненно, отражают не только местную, национальную специфику стиля и техники антропоморфной скульптуры из дерева, но также — преемственность, сохранение веками сложившейся, традиционной трактовки художественных образов. Эти образы, связанные с определенными идеологическими представлениями, безусловно трансформировались вместе с изменениями этих представлений, однако, в них сохранены черты, сложившиеся, очевидно, в глубокой древности, в эпоху возникновения и первичного оформления данных образов.

Ныне в Пермской художественной галерее сосредоточено около 300 деревянных скульптур, причем сбор их продолжается и пока далеко не завершен. Самое большое количество изваяний взято с земель населенных коми-пермяками. Однако они, очевидно, были известны также и на территории коми-зырян, о чем свидетельствуют экспонаты Яренского краеведческого музея Архангельской области.

К сожалению, с исчезновением церковной скульптуры утасла и тысячелетняя традиция антропоморфной деревянной скульптуры коми-пермяков. В настоящий момент можно сказать, что современной народной скульптуры из дерева нет. Наверняка, в этом отразилась многовековая борьба христианской церкви против местного «идолопоклонства». Развитие деревянной игрушки, как уже говорилось об этом, также прекратилось с распространением дешевой фабричной игрушки из различных материалов.

Можно надеяться, что местные художники, изучив самобытную скульптуру предков, возродят их замечательное искусство на новой профессиональной основе.

¹ Н. П. Серебрянников. Пермская деревянная скульптура, Пермь, 1967, стр. 19.

² Там же.

³ С. К. Кузнецов. К вопросу о Биармии, отпечаток из ЭО, кн. XV-XVI, М., 1905, стр. 29.